

До того как оказаться в этом разрушенном мире, Тан Буфань отличался крепким здоровьем и почти никогда не болел. Оказавшись здесь, в самом пекле постапокалипсиса, он то и дело получал раны, травился ядами, но раз за разом упрямо выкарабкивался.

Но усталость и износ копились слишком долго. Его тело, подобно натянутой до предела тетиве, в какой-то момент просто не выдержало — и с негромким щелчком надломилось.

Лу И давал ему жаропонижающее, но лекарства не помогали. Тан Буфань горел, не приходя в сознание. Казалось, он заплутал в лабиринте кошмаров: метался по постели, бессвязно бредил и плакал от изнуряющего жара.

Лу И сходил с ума от тревоги. Забросив все дела, он не отходил от постели учителя, а управление домом на колесах полностью доверил Чжао Каю.

Чтобы Тан Буфаню стало полегче, Чжао Кай включил обогрев. Но толку от этого было мало: даже когда воздух в жилом отсеке прогрелся до двадцати градусов, жар у больного так и не спал.

Исчерпав все средства, Лу И в растерянности опустился у кровати, положив голову на край матраса, и просто караулил его сон.

Чжао Кай четыре дня петлял по глухим лесистым склонам, пока наконец не отыскал безопасное место для стоянки.

Небольшой уступ на крутом склоне обрывался отвесным утесом, переходя в пологий косогор. Дорога здесь заканчивалась тупиком, а значит, лавине мутировавших тварей ловить тут было нечего — звериный прилив пройдет стороной. К тому же площадка была открытой, без густых крон над головой: покажись хоть на пару часов солнце, солнечные батареи на крыше мигом зарядили бы аккумуляторы машины.

Бережно расходуя горючее, Лу И готовил еду на костре прямо под открытым небом. Рядом с машиной, в скальной породе, он выбил неглубокую нишу, обустроив там сухой дровяник.

К этому времени лесное зверье в большинстве своем снялось с насиженных мест. Одни уходили, другие, напротив, только прибывали. Стоя у края обрыва, Лу И провожал глазами огромные, застилающие небо птичьи стаи. Пернатые тянулись на юг со стороны далекой Сибири.

«Надо бы накрыть крышу шкурами, — подумал Лу И. — Иначе ее быстро загадят птицы».

Он завертелся в заботах: охотился, свеживал добычу, запасал дрова, поминутно возвращаясь в жилой фургон проверить состояние Тан Буфаня.

Мужчина лежал неподвижно, бледный, как мертвец. Под тяжелым ватным одеялом невозможно было разглядеть дыхание. Лу И замирал над ним, вглядываясь в осунувшееся лицо, а потом, не выдержав, резко просовывал ладонь под одеяло и прижимал к исхудающей груди... Слава богу, сердце билось.

Только после этого он находил в себе силы перевести дух.

Лу И примостился на корточках возле железной кровати.

— Завтра я соберу каменную стену на склоне, — негромко проговорил он, глядя на Тан Буфаня утомленными глазами. — Вчера, пока я охотился, сюда прибежало стадо диких кабанов. Они окружили фургон и принялись бодать кузов. Чжао Кай едва удержал машину, еще немного — и покатались бы мы вместе с тобой в пропасть. Здесь все еще небезопасно, но выше по склону фургон просто не пройдет.

Учитель лежал неподвижно, не отзываясь на его тихую речь.

Лу И прикоснулся ладонью к его лбу — тот по-прежнему пылал сухим жаром. На глаза юноши навернулись слезы.

— Учитель, прошла уже неделя... Пожалуйста, проснись.

Отчаяние и тоска так сильно сжимали сердце, что ночью Лу И не выдержал. Он взобрался на узкую постель и, уткнувшись лицом в одеяло, крепко обнял Тан Буфаня.

Когда-то он уверял себя, что готов к неизбежному — ведь человеческая жизнь коротка, и Тан Буфань рано или поздно уйдет. Но теперь, когда этот момент подобрался так близко, Лу И понял: смириться с этим выше его сил.

В голове теснились воспоминания о последних месяцах, проведенных вместе. Знойная, багровая пустыня, усыпанные искрами звезд барханы, бесконечные дождливые пустоши и бескрайние, сливающиеся с небом зеленые луга... За это время он прошел самый долгий путь в своей жизни. Это были недели абсолютной свободы и счастья, каждый день которых можно было бережно разбирать в памяти по секундам, смакуя каждую деталь.

— Проснись, умоляю, — шептал юный зверолод, содрогаясь от беззвучных рыданий и прижимаясь к неподвижному телу. — Я так хочу пройти этот путь вместе с тобой до самого конца.

Тан Буфань безмолвствовал, скованный тяжелым забытием.

На следующее утро Лу И снова принял работу над каменной оградой. Окрестный лес казался беспокойнее обычного, птицы взлетали с веток без видимой причины. Внезапно парень

насторожился. Снизу, из-за пелены тумана, донесся приглушенный, рваный рокот мотоциклетного мотора.

Спустя минуту из зарослей, вздымая вихри сухой листвы и палой хвои, вылетел тяжелый черный внедорожный мотоцикл. Он на полной скорости понесся вверх по косогору.

— Хо-хо! — залихватски проорал сидевший за рулем мужчина.

Серебряные волосы развевались на ветру. Эффектно заложив вираж перед недостроенной стеной, он затормозил, взметнув облако пыли.

Андерсон стянул с лица светозатенные очки и, упершись длинной ногой в каменистую почву, окинул Лу И насмешливым взглядом:

— Насилу вас отыскал. Думал, вы уже давно где-нибудь в кювете лапы склеили.

Видно было, что вольная жизнь пошла Андерсону на пользу. Лицо округлилось, глубокие тени под глазами исчезли — теперь в этом холеном, уверенном в себе человеке ничто не напоминало безумца, оттрубившего десять лет в одиночной камере психушки.

Лу И одарил его равнодушным взглядом и молча вернулся к своей работе, ворочая тяжелые валуны.

— Ого, ну и мина у тебя. Что, благоверная преставилась? — ехидно хмыкнул Андерсон, заглядывая за каменную кладку, туда, где стоял фургон. — И где наш милейший учитель Тан?

Лу И промолчал. Заметив эту угрюмую тишину, Андерсон вскинул бровь и с явным ехидством протянул:

— Серьезно? Неужто и впрямь окочурился?

— Сам ты окочурился, — огрызнулся Лу И и, помолчав, добавил глухо: — Учитель... он сильно болен.

Поняв, что пора проверить больного, он водрузил последний булыжник на вершину кладки и направился к дому на колесах.

Андерсон неторопливо заглушил мотор, перемахнул через невысокую, едва достигавшую метра стену и двинулся следом за парнем, засунув руки в карманы кожаной куртки.

— Местечко приличное, — одобчительно протянул он, осматривая скалистый уступ. — Решили

переждать звериный прилив на высоте?

Лу И проигнорировал вопрос и быстро поднялся по ступенькам. Андерсон попытался протиснуться следом, но Чжао Кай, следивший за ними через мониторы, мгновенно заблокировал дверь перед самым его носом.

Андерсон отшатнулся на шаг и, найдя взглядом объектив внешней камеры слежения, с невозмутимым видом показал средний палец.

Внутри фургона Лу И сразу присел у кровати. Он коснулся ладонью лба Тан Буфая: кожа была влажной от пота, но жар не спадал. Из-за работающего обогревателя и плотного одеяла больному, должно быть, сделалось совсем душно.

Лу И терялся в догадках. Хорошо ли, когда человек потеет при лихорадке, или плохо? Сам он, будучи зверолюдом, никогда в жизни не простужался и законов человеческой физиологии не знал.

Снаружи негромко постучали по стеклу.

Лу И помедлил, но все же отодвинул плотную занавеску.

Заглянув в окно, Андерсон поморщился: больной исхудал так, что стал похож на обтянутый кожей череп. Но едва его взгляд зацепился за серебряный кодовый ошейник, по-прежнему сжимавший шею Тан Буфая, мужчина закатил глаза от возмущения.

— Ну и мазила, — проворчал Андерсон, прильнув к стеклу. — Вы уже три месяца вместе, а ты его до сих пор не пометил?

Другие за такое время уже успевают обзавестись потомством.

— Я... — В глубине золотисто-зеленых глаз Лу И промелькнуло смятение. — Я еще не решил...

Андерсон искренне удивился. Он ляпнул это просто ради издевки, никак не ожидая, что парень воспримет вопрос всерьез и пустится в откровения.

Губы мужчины расплылись в глумливой ухмылке:

— О как! Ты что, серьезно в него втюрился?

Щеки Лу И мгновенно опалило жаром. Растерявшись, он поспешно возразил:

— Вовсе нет. Я просто...

Он замялся, подбирая слова, и добавил тише:

—...хочу спасти ему жизнь.

— Что-то я не помню такой жалости, когда один человеческий мальчишка резал вены, умоляя тебя оставить на нем метку, — язвительно хмыкнул Андерсон.

Слава о строптивом звереныше бежала впереди него, и даже в застенках психиатрической лечебницы Андерсон краем уха слышал об этой истории.

Лу И замкнулся в себе. Глядя на его помрачневшее лицо, Андерсон вновь перевел многозначительный взор на бледного Тан Буфаня и хмыкнул:

— А этот учитель не промах. Тонко сработал — поводил тебя за нос, поизображал недотрогу и ведь поймал-таки на крючок.

Юноше не понравились эти слова. Андерсон выставял его учителя расчетливым манипулятором, поэтому Лу И с досадой задернул шторку, прерывая разговор.

Бережно стерев выступившую на лбу учителя влагу прохладным полотенцем, Лу И отправился на кухню готовить бульон.

Больной метался в бреду, и накормить его твердой пищей было невозможно. Лу И мелко-мелко порубил вяленое мясо, смешал его с сушеными травами и долго варил, пока все не превратилось в густую, однородную жижицу. Ее он и пытался вливать учителю по каплям из ложки.

Тан Буфань почти не сглатывал: из пяти ложек едва ли одна попадала по назначению, остальное струйками стекало по подбородку. Из-за этого Лу И каждый раз заботливо подкладывал ему под шею мягкую салфетку.

«Совсем как ребенок», — с нежностью подумал Лу И. Приподняв голову учителя, он осторожно промокнул его подбородок. В груди разлилось тепло, губы тронула мимолетная улыбка, но сладость этого мгновения быстро сменилась горечью. Словно сахар, перебродивший в уксус, это мимолетное счастье осело острой, разъедающей тоской в горле.

Он горько казнил себя за то, что раньше, когда Тан Буфань был в сознании, так и не решился спросить у него шифр от этого проклятого ошейника.

Спустя пару часов Лу И вернулся к недостроенной ограде. Заметив сидевшего неподалеку

Андерсона, он спросил, не поднимая головы:

— Кроме шеи... в какое место нужно укусить человека, чтобы запустить мутацию?

— Что, наконец-то припекло? — Андерсон развалился на груди валунов с противоположной стороны стены и лениво наблюдал за чужой работой, даже не думая помогать.

— Если укусить за запястье, сработает? — Лу И пропустил издевку мимо ушей. — Там ведь тоже проходят крупные артерии.

Андерсон со свистом выдохнул:

— Парень, включи мозги. Мутация — это самый сложный процесс деструкции и сборки ДНК заново, когда в геном человека встраиваются животные цепи. Щитовидная железа регулирует весь метаболизм и активность ферментов, поэтому зубы должны вонзаться строго в шею. Если ты просто впрыснешь мутаген зверолодей в лучевую артерию, несчастный захлебнется собственной кровью, которая хлынет у него из носа и рта.

Жизнедеятельность организма направляет не столько мозг, сколько эндокринная система. Введение токсина в область щитовидки подобно загрузке вирусного кода в главный управляющий процессор. Получив новые инструкции, этот «процессор» заставляет все клетки тела перестраивать свою работу по совершенно иному сценарию.

Если же ввести его в любое другое место, система просто выдаст критическую ошибку.

От этих слов на душе у Лу И стало еще темнее. На самом деле он и сам понимал тщетность этой затеи, но отчаянно цеплялся за любую призрачную надежду.

— Тебе бы лучше подумать о том, как скovyрнуть этот ошейник, — равнодушно обронил Андерсон.

Спрыгнув с неоконченной стены, он вальяжной походкой направился прочь.

Он без лишних церемоний обосновался в сухом скальном гроте, который Лу И выдолбил для дров, а заодно прихватил парочку медвежьих шкур, сушившихся на крыше фургона, приспособив их под постель.

Погруженный в мрачные мысли Лу И не стал с ним спорить и молча продолжил укладывать камни один к одному.

На рассвете следующего дня заморосило. Мелкий холодный дождь шел вперемешку с редкими снежинками.

Лу И проснулся от монотонного стука капель по крыше жилого отсека. Раздвинув занавески, он обнаружил, что на улице давно рассвело — судя по тусклому свету, было уже около девяти утра.

Ночью он честно пытался устроиться на полу, но под утро снова забрался на кровать и уснул, прижав к себе Тан Буфаня. Сон был тревожным и прерывистым: юноша то и дело просыпался, чтобы наощупь отыскать под одеялом грудную клетку учителя и проверить, бьется ли сердце.

Из-за сырости и холода весь лес словно вымер. Стояла глубокая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь шорохом капель, падающих на жухлую траву.

В этом суровом новом мире осадки редко бывали чистыми — в промышленных руинах и на пустошах до сих пор лили ядовитые кислотные дожди. Но здесь, в затерянной среди хребтов глуши, дождевая вода казалась удивительно чистой и не имела никакого химического привкуса.

Вдаль уходили бесконечные лесистые гребни, укутанные клочьями клубящегося тумана. Пейзаж, блеклый и величественный, напоминал старинный монохромный свиток, написанный тушью. Лу И залюбовался этой строгой красотой и невольно опустил взгляд на постель, желая разделить восторг с учителем.

Но Тан Буфань по-прежнему лежал неподвижно, запертый в клетке бесконечного лихорадочного сна.

Радость мгновенно улетучилась, оставив после себя лишь тяжелый, давящий комок в груди.

Вновь проверив жар, Лу И тихо вздохнул и поднялся, чтобы развести огонь и согреть отвар. Дрова хранились снаружи. Как только Чжао Кай разблокировал и распахнул дверь фургона, в лицо парню ударил влажный, пронзительно-холодный воздух с крупными мокрыми хлопьями снега.

Напитанный влагой лесной воздух казался невероятно свежим, чистым, с легким ментоловым оттенком. Лу И сделал глубокий вдох, ощущая, как прохлада мгновенно проясняет затуманенные бессонницей мысли.

«Как бы мне хотелось, чтобы учитель тоже почувствовал этот запах», — подумал он и обернулся, замерев на пороге.

Внутри фургона, согретого заботой Чжао Кая, было тепло и душно, но эта замкнутая атмосфера казалась безжизненной, словно пропитанной запахом медленного увядания.

А за порогом, несмотря на ледяную изморось, дышал полной грудью живой, пробуждающийся мир.

В голове у Лу И словно вспыхнула искра. Он торопливо вернулся вглубь отсека, осторожно приподнял Тан Буфая вместе с тяжелым одеялом, крепко прижал к себе и свободной рукой рванул створку окна настежь.

— Лу И, Сяо Тан все еще горит... — донесся из динамиков обеспокоенный голос Чжао Кая, но парень пресек его возражения:

— Я знаю, — глухо отозвался Лу И, сильнее сжимая объятия и устремив взор на окутанные туманной дымкой горные пики. — Но тамошний воздух... он живой.

В проем хлынул бодрящий сквозняк, принося с собой редкие брызги. Лу И заботливо подоткнул одеяло со всех сторон, оставив открытым лишь бледное лицо мужчины с сомкнутыми веками.

— Учитель, пожалуйста, очнись, — прошептал Лу И.

Его золотисто-зеленые глаза с надеждой вглядывались в дорогие черты. В тихом голосе звенела неприкрытая мольба:

— Я хочу увидеть этот мир вместе с тобой.

Крошечная снежинка, подхваченная порывом ветра, влетела в открытое окно. Она немного покружилась под потолком и бесшумно опустилась на закрытое веко Тан Буфая.

Густые, длинные ресницы мужчины едва заметно дрогнули.

<http://bllate.org/book/19039/2003681>